

Лена
ХАРТ

Σ Сбежсать В СИБИРЬ
Σ Как выйти замуж за
Σ

ЛЕСОРУБА

Лена Харт

**Сбежать в Сибирь, или Как
выйти замуж за лесоруба**

«Автор»

2026

Харт Л.

Сбежать в Сибирь, или Как выйти замуж за лесоруба / Л. Харт —
«Автор», 2026

Что может быть хуже, чем узнать об измене жениха в день свадьбы? Только оказаться после этого в рваном свадебном платье посреди сибирской тайги, в шаге от гибели под падающим деревом. И когда тебя в последнюю секунду спасает суровый лесоруб, ты ожидаешь чего угодно: насмешки, помощи, грубого слова. Но только не того, что этим лесорубом окажется... твой первый парень. Тот, кто десять лет назад разбил тебе сердце, просто перестав писать...

© Харт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Г	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сбежать в Сибирь, или Как выйти замуж за лесоруба

Глава 1

КСЕНИЯ

Я всегда знала, что моя жизнь — комедия. Просто не подозревала, что роль главной героини подразумевает ношение корсета, способного пережать не только талию, но и все связи с реальностью.

Атласное чудовище, которое стилист кокетливо назвал «платьем», весит добрых десять килограммов и стягивает мои рёбра с энтузиазмом средневекового инквизитора. Каждый вдох даётся как маленькая победа. Вокруг меня, как мотыльки у лампы, порхают феи-стилисты, а в огромном зеркале в золочёной раме отражается не Ксюша, а какой-то выставочный экспонат под названием «Невеста, версия 2026». Дорогая, глянцева, с идеально уложенным локоном и тщательно прорисованной улыбкой. Слишком идеальной, чтобы быть настоящей.

— Ксюшенька, ты просто богиня! Спину ровнее, детка, подбородок выше. Ты должна выглядеть на миллион долларов, — выдыхает моя мама, критически осматривая меня. Её любовь всегда измерялась в условных единицах чужого одобрения.

Пытаюсь улыбнуться шире, но мышцы лица сводит от напряжения. Богиня. Конечно. Богиня нервного тика и экзистенциальных сомнений, запертая в атласной тюрьме.

Мой будущий муж, Станислав, напоминает ходячую рекламу зубной пасты и успешного успеха. Безупречный костюм, безупречная причёска, безупречный набор правильных фраз. Наши отношения давно превратились в срежиссированный бизнес-проект, где мой отец получает надёжного партнёра, а я получаю статус «замужем за перспективным». Иногда мне кажется, что я выхожу замуж не за человека, а за его безупречно составленное резюме.

— Пять минут, Ксения Андреевна, — шепчет мне на ухо распорядительница свадьбы, женщина с лицом строгого сержанта и причёской из железобетона.

Через триста секунд я скажу «да» человеку, который вызывает у меня примерно столько же страсти, сколько годовой отчёт в Excel. А ведь я, чёрт возьми, люблю Excel.

В этот момент дверь гримёрки распаивается, и в неё влетает моя лучшая подруга Ева. Влетает так, будто за ней гонится вся налоговая инспекция с собаками. Её лицо, обычно румяное и весёлое, сейчас цвета офисной бумаги, а глаза распахнуты от паники вселенского масштаба.

— Код «Титаник»! У нас код «Титаник»! — шипит она, хватая меня за руку и утаскивая в угол, подальше от маминых ушей.

— Ев, у меня пять минут до превращения в тыкву, то есть, в жену. Что случилось? — шепчу, пытаюсь не дышать, чтобы корсет не треснул. — Твой парень опять лайкнул фотку бывшей в бикини?

— Хуже, — выдыхает она. — Гораздо хуже. Твой «Титаник» уже встретился с айсбергом. Только айсберг здесь ты. Смотри.

Она суёт мне под нос свой телефон. На экране открыт скрин чата Стаса с его шафером, Артёмом. Пробегаю глазами по строчкам, и атласный корсет вдруг перестаёт быть главной проблемой моего дыхания.

Артём: «Ну ты даёшь, бро! Прямо перед свадьбой с секретаршей мутить. Дерзко».

Стас: «Да ладно тебе. Блондинка наивная, верит в любовь до гроба. Погуляет первое время с кислой миной, потом привыкнет. Главное, папаша её теперь мне должен по гроб жизни. Сделка века, говорю тебе».

Артём: «А если узнает? Скандал будет».

Стас: «Кто ей скажет? Ты? Она же у меня ручная. Главное, на шею не села, а там разберётся с рогатой. Секретаршу мою, кстати, видел? Вот где огонь, горячая штучка. После медового месяца обязательно познакомлю».

Буквы на экране расплываются и снова собираются в фокус. «Ручная... наивная блондинка... сделка века... горячая штучка...» Каждое слово впечатывается под рёбра, туда, где корсет давит сильнее всего. Все звуки вокруг — щебетание гостей, звон бокалов, мамино воркование — сливаются в один противный, гудящий фон. Моя сказка про принца на белом «бентли» только что с оглушительным треском влетела в столб суровой реальности.

— Откуда? — выдыхаю, поднимая на Еву остекленевший взгляд.

— От Артёма, от кого же ещё! — тараторит она шёпотом. — Свидетель-идиот. Я видела, он у бара зелёный стоял, подошла спросить, не собирается ли он испортить дорогой ковёр. А он, накатив для храбрости, решил мне душу излить. Мол, какой Стас козёл, а он, Артём, не такой, он бы свою девушку на руках носил. И в качестве доказательства сунул мне под нос свой телефон с этой перепиской. Я сделала вид, что сочувствую, а сама сфоткала экран. Сказала, что надо макияж поправить и сбежала. Он даже не понял, дурачок влюблённый.

Во мне срабатывает внутренний рубильник. Громко, со скрипом, как старый заржавевший замок. Не обида. Нет. Чистая ярость.

Поднимаю голову. Моё отражение в зеркале больше не кажется чужим. В глазах пляшут черти.

— Ксюх, ты как? — испуганно шепчет Ева.

Кладу руку ей на плечо.

— Ева, прикрой меня минут на десять. Скажи, что у меня приступ клаустрофобии от платья. Или диарея. Лучше диарея, её никто проверять не станет.

Ева смотрит на меня, и паника в её взгляде сменяется боевым азартом. Она молча вскидывает кулак в жесте солидарности.

Мимо проплывает официант с подносом, уставленным бокалами с шампанским. Делаю шаг вперёд, перехватываю поднос с грацией портового грузчика и ставлю его на ближайший столик. Официант застывает с открытым ртом.

— Ксюша, что ты делаешь?! — лепечет мама.

Не отвечаю. Беру один бокал. Залпом, до последней капли, осушаю его. Ледяные пузырьки бьют в голову, проясняя всё разом. Я смотрю на своё отражение, на эту куклу в белом платье, и ощериваюсь, обращаясь не то к ней, не то ко всей вселенной:

— Нет уж, Стасик. Кина не будет. Электричество кончилось.

Сказано — сделано. Бросив пустой бокал обратно на поднос, разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, хватаю клатч и, подхватив подолы своего атласного проклятия, несусь прочь из гримёрки.

— Ксения! Ты куда?! — доносится панический вопль мамы.

— Замуж передумала! — кричу через плечо, лавируя между ошарашенными гостями, и замечаю в толпе двоюродную тётку Стаса, которая смотрит на меня, как на привидение. Отлично, сарафанное радио уже заработало.

Главный выход перекрыт. Значит, идём другим путём. Мой внутренний навигатор, работающий на голой злости и шампанском, прокладывает маршрут через служебные помещения. Врываюсь в дамский туалет, с грохотом захлопываю дверь и оглядываюсь. Окно! Маленькое, под самым потолком, но оно есть.

Следующие пару минут напоминают сцену из дешёвого боевика, снятого пьяным оператором. Подтащив мусорное ведро, я, крихтя и проклиная французские кружева, лезу вверх. Юбка цепляется за дверную ручку, фата норовит меня удушить. Наконец, я его открываю и

кое-как протискиваюсь в узкий проём, чтобы с высоты первого этажа плюхнуться напрямик в кусты сентиментальных розовых роз.

Шипы впиваются в кожу, с хрустом разрывая итальянский шёлк, колючки царапают предплечья, а в волосах запутывается целая ветка, и я, грязная, в этом растерзанном платье посреди кустов, почему-то хохочу, как сумасшедшая.

Выбравшись из колючих объятий особо мстительной флоры, я, хромя и отряхивая с остатков платья лепестки и собственное достоинство, вываливаюсь на улицу. Оглушительный гул спешащей Москвы, которой нет абсолютно никакого дела до одной сбежавшей невесты, бьет по ушам. Бросаюсь на проезжую часть, взмахивая рукой, и из ревущего потока выныривает такси, тормозя у самой обочины.

За рулём сидит уса́тый мужчина кавказской наружности, который смотрит на моё одеяние с философским спокойствием. Кажется, его уже ничем не удивить.

— Свадьба? — спрашивает он.

— Была, да вся вышла, — хриплю я.

— Понятно, — поправляет зеркало. — Сбегаем, значит. Стандартный маршрут. Куда, красавица?

А и правда, куда? Денег в клатче, как и здравого смысла в моей голове, почти не осталось. Путь домой к родителям заказан, а порог квартиры Евы Стас начнёт обивать в первую же очередь. Взгляд растерянно блуждает по вывескам, пока не наткнется на синий указатель с надписью «Казанский вокзал».

— На вокзал! — бросаю я.

Вокзал встречает меня своей обычной симфонией: грохотом колёс, объявлениями диктора, запахом беляшей и тоски. Я, как привидение в подвенечном платье, просачиваюсь сквозь толпу. Люди шарахаются, оборачиваются. Главная достопримечательность вечера — к вашим услугам.

У касс замираю, глядя на табло. Рязань, Воронеж... И вдруг... Новосибирск.

Сибирь и деревня сливаются в одно спасительное, тёплое воспоминание бабушкиного дома с его вечным запахом пирогов и бабы Мани, единственного человека, который никогда не пытался сделать из меня «правильную».

— Девушка, брать будете? — раздражённо спрашивает кассирша.

— Да! — начинаю рыться в клатче.

Две тысячи триста рублей... до Новосибирска точно не хватит...

Опускаю взгляд на белоснежные «Джимми Чу», подарок Стаса. И вот я уже продираюсь к седьмому вагону, где идёт посадка. У входа путь преграждает дородная женщина в синей форме с лицом, повидавшим всё, и скрещивает руки на необъятной груди.

— Девушка, вы в таком виде... куда? На карнавал? Поезд не резиновый.

— Мне очень нужно уехать, — говорю я. — Денег на билет нет. Но есть... вот.

Снимаю туфли и протягиваю ей.

— «Джимми Чу». Оригинал. Новые.

Проводница смотрит на туфли, на меня, снова на туфли. В её суровых глазах просыпается коммерческий интерес. Она берёт одну туфельку, вертит в руках, как эксперт-криминалист. Цокает языком.

— Кожа. Италия, небось? — щурится. — Размер?

— Тридцать седьмой.

— У дочки моей, Людмилы, как раз тридцать седьмой. В институт поступила, ходит как оборванка. А эти... — поджигает губы, но в глубине взгляда уже загорается хищный огонёк. — Ладно. Пыльные только. И одна царапина. За одну пару туфель... могу предложить верхнюю боковую у туалета.

— Согласна! — вырывается у меня.

— И серьги, — вдруг добавляет она, кивнув на мои уши. — За них получишь полку получше и постельное с обедами.

Без колебаний снимаю серьги — ещё один подарок Стаса. Проводница прячет добычу в недрах сумки, и суровые складки вокруг её рта разглаживаются.

— Так, погоди, — бормочет она и извлекает из своей сумки пару синих резиновых шлёпанцев. — На, обуй. Не босиком же тебе шастать. Ещё заразу подцепишь.

Я смотрю на эти синие чудовища, потом на свои босые ноги, и меня пробивает на истерический смешок. Полчаса назад я была невестой в «Джимми Чу». Теперь я беглянка в шлёпках проводницы.

— Верхняя боковая в седьмом, двадцать восьмое место, — уже привычно-строгим тоном отрезает она. — И чтоб тихо сидела, артистка.

Через пять минут я, грязная, в рваном платье, скинув синие шлёпки, карабкаюсь на свою верхнюю полку и немного ослабляю корсет. Поезд трогается. Плацкартный вагон гудит. Соседи снизу уже разложили на столике варёную курицу, яйца и огурцы. Я лежу, уткнувшись носом в пыльный матрас, и впервые за весь этот безумный день лёгкие наполняются до самого дна.

Моя новая жизнь пахнет варёным яйцом, чужими носками и свободой. А ещё немного резиной от шлёпанцев.

Шикарно.

Глава 2

КСЕНИЯ

Двое суток. Ровно столько потребовалось цивилизации, чтобы вытряхнуть из меня остатки глянцевої московской жизни. Моё королевство на верхней боковой полке оказалось не таким уж плохим вариантом. Здесь, наверху, я превратилась в местного экзотического зверька, которого разглядывали, только когда он спускался вниз за кипятком или порцией сочувствия от проводницы.

Поезд выплёвывает меня на перрон гулкого вокзала где-то за Уралом. «Новосибирск-Главный». Величественное серое здание смотрит на меня с холодным равнодушием мегаполиса. Здесь мой потрёпанный вид вызывает брезгливое недоумение вместо любопытства. Люди обтекают меня, как грязную лужу, стараясь не испачкаться о чужую катастрофу.

В кармане клатча сиротливо шуршит последняя сотня. Телефон умер ещё вчера, превратившись в бесполезный кусок пластика. План? Какой план? Мой гениальный план закончился на фразе «сбежать в Сибирь». Об остальном я как-то не подумала. Я вообще не привыкла думать о конечных пунктах: раньше за меня это делали родители, Стас, распорядительница свадьбы с лицом сержанта.

Стою на привокзальной площади, кутаясь в остатки фаты от пронизывающего ветра. Сибирское лето совершенно не напоминает московский июль. Здесь ветер, кажется, помнит о зиме и с садистским удовольствием об этом напоминает каждому открытому участку моей кожи.

— Девушка, а девушка! — окликает меня мужичок в кепке с надписью «СССР». — Вы с какой свадьбы сбежали? У нас тут ЗАГС в другой стороне. Вам бы водички святой, что ли.

Одариваю его взглядом, от которого он инстинктивно делает шаг назад и крестится на купола ближайшей церкви. Отлично, Ксения. Теперь ты пугаешь людей одним своим видом. Новый скилл разблокирован. Способность: «Ужас сибирских мужичков».

В голову приходит единственная логичная мысль, доступная моему измученному бессонницей сознанию. Автостоп. А что может пойти не так? Я же смотрела фильмы. Там всегда останавливаются милые бородатые хиппи на цветных фургончиках «Фольксваген».

Реальность, как обычно, вносит свои коррективы. После часа голосования на выезде из города, в течение которого мимо пронеслось всё, от «Ламборгини» с тонированными стёклами до трактора «Беларусь», а милые хиппи так и не материализовались, я готова сдаться. Моё платье уже приобрело ровный, однородный цвет сибирской придорожной пыли. Ноги в резиновых шлёпанцах подмёрзли. Палец, которым я так артистично пыталась остановить машину, сводит судорогой, и теперь он торчит в небо как указатель: «Смотрите, люди добрые, на эту дуру».

И тут рядом со мной, взвизгнув тормозами, останавливается монстр. Рычащий КамАЗ, перепачканный грязью по самую кабину, не разобрать даже заводской цвет. Дверь с душераздирающим скрежетом открывается, и из неё высовывается голова в засаленной, выдавшей виды ушанке. Несмотря на лето. Видимо, принципиальная позиция.

— Куда, артистка? — басит суровый мужчина, напоминающий оживший памятник водителю-дальнобойщику всех времён и народов.

— В... — лихорадочно вспоминаю название деревни. — В Сосновку. По этой дороге?

Название всплывает само, из самых глубин памяти. Сосновка. Место, где пахнет пирогами, где стоит покосившийся забор, за которым живёт баба Маня. И где когда-то, давным-давно, жил мальчик с глазами цвета летнего неба и руками, вечно измазанными смолой. Мальчик, которого я старательно пыталась забыть, вырывая страницы из личного дневника.

Водитель, дядя Валера, как он представится позже, хмыкает, разглядывая меня с высоты своей кабины. Его взгляд скользит по рваному шёлку, по фате, по синим шлёпанцам.

— Сосновка — крюк знатный. И дорога там одно название, убиться можно. Чего ты там забыла, в таком-то виде? Медведей смешить или людям психику портить?

— К бабушке еду. Сюрприз. Тематическая вечеринка была, костюм вот... не успела переодеть.

Он смотрит на меня ещё с минуту. Долго, пристально. Я прямо вижу, как в его голове идёт сложный мыслительный процесс, взвешивающий риски подобрать сумасшедшую невесту. Наконец, он сплёвывает на дорогу и выдаёт вердикт:

— Ладно. До поворота подкину. Дальше сама. Запрыгивай.

Запрыгивать в кабину КамАЗа в свадебном платье и с остатками фаты получается отдельный вид экстремальной акробатики, за который на Олимпиаде должны давать отдельную медаль. «Золото в дисциплине "Залезание в грузовик без потери достоинства"». Кое-как втиснувшись внутрь, я оказываюсь в царстве дизеля, табака и монументальной мужской брутальности.

Здесь всё промасленное и дрожит. Всю дорогу мой спаситель молчит, сосредоточенно вращая руль размером со штурвал пиратского корабля. Я пытаюсь завязать светскую беседу, но на все мои вопросы он отвечает односложным мычанием, которое при большом желании можно интерпретировать как «да», «нет» или «отстань, глупая женщина, пока я не высадил тебя прямо в поле».

Через пару часов тряски, от которой, кажется, все мои внутренние органы поменялись местами и теперь находятся в отпуске где-то в районе диафрагмы, КамАЗ тормозит посреди ничего. Слева тянется бескрайний лес. Справа уходит в его глубь такая жебескрайняя грунтовка, рыжая лента, теряющаяся между стволами.

— Поворот, — лаконично сообщает дядя Валера, кивая на грунтовку. — Тебе туда. Километра два, не заблудишься. Там одна дорога, упрёшься прямо в магазин.

Он даже не дожидается моего «спасибо». Просто высаживает меня, как мешок картошки, разворачивается, окатив на прощание облаком густой, удушливой пыли, и уносится вдаль, оставляя меня одну наедине с сибирской природой и чудовищным масштабом собственного идиотизма.

Сосны обступают обочину плотной стеной, и из леса накатывает запах смолы, прелой листвы и грибов. Делаю глубокий вдох и понимаю: сейчас, вот прямо сейчас, на этом самом месте расплачусь. И это будут позорные рыдания в голос с подвыванием, без единого шанса на красивую киношную слезу по щеке.

Я его помню, этот лес. Или мне так кажется? Здесь мы когда-то бегали наперегонки, и Он, смеясь, всегда давал мне фору, а потом всё равно обгонял.

Иду, дышу, и воспоминания, которые я так долго и тщательно замуровывала в бетонном чулане памяти, начинают просачиваться наружу сквозь трещины. Густой, смолистый запах сосновой хвои... Точно так же пахла его рубашка, когда мы прятались от внезапного ливня под разлапистой елью. Его руки тогда были в точно таких же разводах, и он боялся прикоснуться ко мне, чтобы не испачкать моё дурацкое городское платье в цветочек.

Подол цепляется за каждый куст, с хрустом превращая дорогой итальянский шёлк в бахрому. Фата, окончательно запутавшаяся в волосах, собирает на себя паутину, прошлогодние листья и, кажется, целое воронье гнездо. Синие резиновые шлёпанцы, созданные для идеально ровного кафеля римских терм, предательски скользят по влажной траве и разъезжаются на корнях. Я чертыхаюсь, спотыкаюсь и в очередной раз, уже с пеной у рта, проклинаю тот день, когда решила, что Стас — хорошая идея.

И тут меня выдирает из мыслей оглушительный, механический рёв. Вибрация нарастает, отдаётся в рёбрах, в зубах. Звук работающей бензопилы. Мои городские, привыкшие к шуму машин инстинкты даже не дёргаются. Подумаешь, пила.

А потом я слышу треск. Громкий, сухой, будто ломается гигантская кость какого-то титана. Инстинктивно, как дура из фильма ужасов, которая бежит на звук, поднимаю голову. И замираю.

Лохматая сосна, которую я только что мысленно сравнила с мачтой корабля, медленно, с величественной, леденящей душу неотвратимостью начинает заваливаться. Прямо на меня.

Всё, конец. В голове будто перегорают предохранитель. Ноги, запутавшиеся в собственном подоле, намертво прирастают к земле. Я стою, задрал голову, и смотрю, как несколько тонн древесины, украшенных шишками, летят мне в лицо. В голове проносится одна-единственная паническая мысль: «Какой дурацкий некролог: погибла под сосной, потому что была одета не по погоде. И платье не то».

Время растягивается до густой патоки. С веток осыпается хвоя, ствол, жалобно скрипя, наклоняется всё ниже. В ушах стоит собственный пульс, заглушающий даже рёв бензопилы.

Резкий, сильный толчок сбивает меня с ног. Весь воздух с хрипом выбивает из лёгких.

Мощная рука намертво впечатывает меня в твёрдое, горячее, как печка, тело. Вторая ладонь обхватывает мою голову, закрывая от летящих щепок. Мир превращается в калейдоскоп из зелени, неба и чьей-то широченной груди. Грохот падающего дерева сотрясает землю, отдаваясь дрожью в каждой моей косточке.

В нос, оглушая и дезориентируя, бьёт едкий, пьянящий коктейль: свежая смола, въедливый бензин, горячий металл. И под всем этим, перебивая всё остальное, соль и мускус. Живой, горячий запах мужского пота и тяжёлой работы. Ощущение твёрдого тела под моими растопыренными пальцами, рельефные мышцы, которые я чувствую даже сквозь ткань собственного платья.

Ошалело моргаю, пытаюсь сфокусировать взгляд. Руки всё ещё инстинктивно вжимаются в его плечи, и пальцы находят каждый изгиб дельтовидных мышц, каждый шрам и неровность. Передо мной стоит Он. Выше меня на две головы. Торс обнажён, блестит от пота, покрыт мелкими, как золотая пыль, опилками, которые налипли на кожу в самых неожиданных местах.

Широченные плечи, рельефный пресс, над которым, кажется, трудился не фитнес-тренер, а сам Микеланджело в небесной кузнице. Тёмные, выгоревшие на солнце волосы прилипли к мокрому лбу. Лицо чумазое и сердитое. Кажется, я не просто помешала работе, я испортила фотосессию для календаря «Горячие лесорубы Сибири».

— Совсем без башки?! — низкий, с хрипотцой голос прокатывается по позвоночнику. — По лесосеке в карнавальном костюме разгуливать? Жить надоело, городская?

Голос повзрослел и огрубел, но остался тем самым, что когда-то шептал мне на ухо дурацкие шутки во время нашего первого медленного танца в деревенском клубе, а после срывался от волнения, когда он впервые неумело целовал меня у реки под безумно яркими сибирскими звёздами.

— Юра?.. — выдыхаю шёпотом. И всё ещё держусь за него, не в силах пошевелиться.

Он на секунду замирает. Весь напрягается, будто держит на плечах не воздух, а бетонную плиту. Всматривается в моё перепачканное, зарёванное лицо. Жёсткие складки залегают у губ. Радости узнавания в его взгляде нет ни капли. Там только холод.

Лицо превращается в маску из бронзы. Он медленно, почти брезгливо отцепляет мои пальцы от своих плеч и отступает на шаг. Его взгляд скользит по мне с головы до ног, по изодранной фате, зацепленной за корсет, и ненадолго задерживается на ней.

— Ксения, — цедит моё имя. Пробует на вкус и морщится, будто от прокисшего молока. — Какими ветрами? Заблудилась по дороге в ЗАГС к своему олигарху?

Концентрированная обида десятилетней выдержки бьёт по мне сильнее, чем могла бы ударить та сосна, ведь передо мной стоит моя первая любовь и первый разбиватель сердец. Тот самый мальчик, который заставил мое сердце петь, а потом просто перестал писать в то лето, после которого родители вдруг решили, что в деревню мне больше ездить не надо.

Теперь он превратился в сурового, насмешливого мужика и смотрит на меня так, словно я таракан, которого он не додавил тапком десять лет назад. Слёзы, которые я сдерживала последние двое суток, подступают к горлу.

Открываю рот, чтобы сказать хоть одно умное, или едкое, или хотя бы просто внятное слово. Хоть бы выпалить: «Почему перестал отвечать, козёл ты бесчувственный?!». Но получается только жалкий, унижительный всхлип, похожий на писк комара.

Он замечает мои слёзы. И делается только хуже. Желваки на его скулах вздуваются буграми, зубы скрежещут. Он морщится и резким движением сдёргивает с рук грубые кожаные рукавицы, чёрные от машинного масла. И опускает взгляд на мои босые, грязные ноги.

— Дом бабы Мани в конце улицы, если забыла. В лесу тебе не место.

Юра разворачивается, с лёгкостью подхватывает с земли бензопилу, закидывает её на плечо и уходит. Его широкая спина, влажная от пота и усыпанная опилками, растворяется в зелёной чаще, а я остаюсь одна в своём рваном платье посреди этой катастрофы, рядом с гигантским стволом сосны, которая только что чуть не поставила точку в моей никчёмной биографии.

«Городская». Раньше, в его устах, оно было дразнящим, тёплым, почти нежным. Теперь он произносит его как диагноз.

И знаете что? В этот момент мне почему-то кажется, что упавшая сосна была бы более щадящим исходом. По крайней мере, это было бы быстро и не так унижительно.

Глава 3

КСЕНИЯ

Нужно идти.

Делаю шаг, и колени предательски подгибаются, но причина кроется не в страхе перед рухнувшей сосной, а в Юре. В том, как его низкий, хриплый рык прокатился по позвоночнику, заставив все волоски на теле встать дыбом. Тот мальчишка Юрка, с вечно ободранными коленками и смешливыми искрами в глазах, исчез, уступив место суровому, опасному мужчине, от которого волнами расходится сила, одновременно пугающая и непреодолимо притягательная.

Я приехала зализывать раны. Без дополнительных приключений, романтических флэшбеков и пробуждения спящих вулканов.

Выхожу из-под сени леса на открытое пространство, и на меня обрушивается яркий солнечный свет и вся беспощадная мощь деревенской действительности.

Вот она, главная улица Сосновки. Мой личный подиум и красная ковровая дорожка прямоком в ад.

Добро пожаловать на реалити-шоу «Последняя героиня»! Сегодня в выпуске: Ксения, столичная штучка, пытается преодолеть полосу препятствий, состоящую из осуждающих взглядов, здравого смысла и остатков собственного достоинства. Делайте ваши ставки, дамы и господа!

Первыми на пути встречаются трое мужиков у покосившегося забора. Они о чём-то лениво беседуют, дымят папиросами. Завидев меня, все трое замирают, как в стоп-кадре. У одного изо рта выпадает дымящаяся «Прима» и, кувыркаясь, летит в пыль. Второй, в растянутой майке-алкоголичке, медленно стягивает с головы засаленную кепку, прижимает её к груди, будто увидел не меня, а траурную процессию. Третий, с внушительной коллекцией золотых коронок, просто открывает рот и забывает его закрыть.

Гордо вздёргиваю подбородок и плыву мимо, стараясь изобразить, что это мой обычный повседневный наряд для променада по пересечённой местности. Внутренний голос истерично хихикает: «Не обращай внимания, Ксюша, они просто в восторге от твоего винтажного образа в стиле "постапокалиптический шик". Сейчас начнут просить автограф».

— Эт чё такое? — хрипит один из них, тот, что с кепкой. — Цирк приехал?

— Не, Михалыч, это, видать, кино снимают, — отвечает второй, подбирая с земли сигарету и обнюхивая её. — Артистка, что ль?

Ускоряю шаг, но их голоса летят в спину.

— А чего страшная такая? В кино-то обычно красивых берут.

— Дык, наверно, комедия. Или ужасы.

Вот спасибо, мужики. Вы мне только что подняли самооценку с уровня «плинтус» до уровня «подвал».

Следующий рубеж заманчиво маячит впереди: завалинка у ярко-синего дома. Местный наблюдательный пункт, стратегический штаб и главный источник новостей. Три бабули в цветастых платках синхронно перестают лузгать семечки. Их взгляды впиваются в меня, кажется, прожигая дыры в остатках моего платья. Одна из них, самая бойкая, с бородавкой на носу, тычет в мою сторону костлявым пальцем и громко, на всю улицу, шипит:

— Глянь-ка, Петровна! Невеста! Сбеглая, никак!

Вторая, в тёмном платке, истово крестится.

— Антихрист в подвенечном явился, не иначе! Спаси и сохрани, Матерь Божья!

Прибавляю ходу, но их шёпот, громкий, как гудок паровоза, несётся мне вслед.

— А шлёпки-то, шлёпки, видала? Синенькие! Под цвет глаз, поди, подбирала, модница!

— И платье всё в клочья. Видать, жених-то не промах — сразу рвать начал, как увидел!

— Ой, бабоньки, а фата-то! Фата! У ней там, кажись, воронье гнездо запуталось!

Челюсти сжимаются сами собой. Мысленно посылаю бабулям лучи добра. Примерно такие же, какие посылает лазерная пушка вражескому космическому кораблю.

Меня обгоняет стайка пыльных мальчишек на великах. Они резко тормозят, разворачиваются и едут за мной на безопасном расстоянии, как почётный эскорт. Один, самый смелый, конопатый, в кепке козырьком назад, орёт:

— Дядь Миш, гляди, чучело сбежало с огорода! Щас ворон пугать будет!

Резко оборачиваюсь и сверкаю на него глазами. Мальчишка теряется, но тут же приходит в себя и орёт ещё громче:

— А чучело-то злое! Берегись!

Его приятели гогочут. Я разворачиваюсь и иду дальше, чеканя шаг синими шлёпанцами. Ничего, мелкий, вырастешь, влюбишься, а она тебя бросит. И будешь потом на лесосеке вонять бензином и строить из себя брутального недотрогу. Карма настигнет.

Спотыкаюсь о камень, и правый шлёпанец слетает с ноги, улетая в придорожную пыль. Нагибаюсь за ним, и в этот момент вся улица, кажется, затаивает дыхание. Шоу должно продолжаться. Из-под подола, когда я наклоняюсь, выглядывает кусок разорванного кружевного подюбника. Бабки на завалинке ахают, а мужики у забора раздражаются гоготом.

— Во даёт! — доносится до меня. — Артистка!

Натягиваю шлёпанец обратно и иду дальше с высоко поднятой головой. Прямая спина, расправленные плечи, взгляд вперёд. Я — королева. Пусть даже моё королевство сейчас состоит из пыльной дороги, синих резиновых тапок и рваного свадебного платья.

Напротив покосившегося забора стоит корова. Большая, рыжая, с философским выражением на жующей морде. Она прекращает перемалывать траву и устремляет на меня свои огромные, влажные, карие глаза. В её взгляде я читаю всю скорбь сибирского народа. Мол, до чего докатились, уже и городские сумасшедшие в свадебных платьях по улицам шастают. Стыдоба.

— Чего уставилась? — бормочу себе под нос. — Никогда не видела жертву моды и обстоятельств? Я, между прочим, тоже могу мычать от отчаяния. И даже громче тебя. Хочешь, дуэтом?

Корова медленно моргает длинными ресницами и снова принимается за свою жвачку. Кажется, она только что поставила мне диагноз и вынесла вердикт: «Безнадёжна».

И вдруг откуда-то со стороны леса долетает крик: «Серёга, глуши мотор, на сегодня хватит!»

Ноги приклеиваются к земле. Всё тело реагирует раньше, чем голова успевает скомандовать «отставить». Жар бросается в лицо, пальцы непроизвольно сжимают подол платья, а где-то под рёбрами мелко и предательски подрагивает от одной-единственной фразы, обращённой даже не ко мне.

Десять лет я убеждала себя, что забыла. Что всё между нами было детской влюблённостью, наивной сказкой, не имеющей ничего общего с реальной жизнью. Что Стас — вот он, настоящий, правильный выбор. И что в итоге? Где теперь этот правильный выбор? Хвастается перед друзьями, что женится на «ручной блондинке», пока я стою посреди сибирской деревни в рваном платье и дрожу от голоса человека, который меня ненавидит.

Отлично, Ксюша. Ты просто мастер по принятию жизненных решений. Тебе нужно выдать отдельный диплом. Или справку.

Заставляю себя идти дальше. И вот, наконец, впереди проступает знакомый до боли в сердце силуэт. Дом в самом конце улицы. Старенький, но ухоженный, с резными наличниками на окнах и кривобокой яблоней у калитки. Из трубы вьётся тонкая струйка дыма. Дом бабы Мани. Моя спасительная гавань.

Последние сто метров я почти бегу, не обращая внимания на мальчишек, на лай собак, на корову, которая, я уверена, всё ещё провожает меня осуждающим взглядом. Вся моя напускная бравада испаряется, как роса на солнце. Перед знакомой калиткой замираю. Рука не поднимается её открыть. Что я скажу? «Привет, бабуль, я тут мимо пробежала со своей несостоявшейся свадьбы, решила заскочить на чай»?

Дверь дома со скрипом открывается прежде, чем я успеваю придумать хоть одно внятное оправдание. На пороге стоит моя бабушка. Точно такая же, какой я её помню: маленькая, сухонькая, в простом ситцевом халате и с платком, повязанным на седую голову. Просто стоит, опираясь о косяк, и смотрит на меня своими выпцветшими, но поразительно ясными глазами.

Окидывает меня долгим взглядом с головы до ног. Задерживается на порванном подоле, на запутавшейся в волосах фате и грязных ногах в дурацких синих шлёпанцах. В уголках её губ залегает едва заметная лукавая складочка.

— Ну, здравствуй, горе моё луковое, — произносит тихо и спокойно, будто каждый день встречает на пороге сбежавших невест. — Вижу, жених-то не по вкусу пришёлся. Проходи. Баня уже топится.

Замираю. Она знает. Конечно, она всегда всё знает.

— Баб Мань...

— Цыц, — обрывает меня ласково. — Потом расскажешь. Сначала в баню. Смоем с тебя всю эту городскую позолоту. И жениховскую тоже. А то вон, даже корова на тебя смотрит, как на чудо заморское. Негоже.

И всё. Одного только спокойного ворчания и запаха берёзового дыма, плывущего со двора, хватает, чтобы плотина, которую я сдерживала двое суток, прорвалась с оглушительным треском.

Делаю шаг через порог, спотыкаюсь и буквально падаю в её объятия. Утыкаюсь лицом в её плечо, вдыхая родной, забытый запах печёного хлеба, сушёных трав и самого детства, обёрнутого в ситцевый халат. И меня прорывает.

Я реву. Некрасиво, громко, взхлёб, сотрясаясь всем телом. Слёзы унижения, обиды, злости и дикой усталости льются нескончаемым потоком, моча её халат. А она просто стоит, крепко обнимая меня своими маленькими, но сильными руками, и гладит по спутанным волосам.

— Ну, тише, тише, стрекоза, — ворчит бабуля. — Нашла из-за чего убиваться. Эти городские хахали — от них одна морока. Что с них взять, кроме анализов. Порев, порев, с водой всё выйдет, а потом в баньку пойдём, всю дурь из тебя выпарим. И московскую, и жениховскую. Самовар уже стынет.

Она замолкает, а потом добавляет тихо, почти шёпотом:

— А Юрка-то... всё ещё один.

Застываю в её объятиях. Воздух, который я только что втянула, застревает где-то на полпути.

Но баба Маня уже подталкивает меня в сторону бани, и я не успеваю спросить. Только под слоем слёз и унижения, глубоко, в самом защищённом месте, где ещё жива та пятнадцатилетняя девчонка с разбитыми коленками, загорается крошечный, глупый, опасный огонёк... надежды.

Глава 4

КСЕНИЯ

Баня пахнет так, как пахнет само прощение. Горячим деревом, распаренным берёзовым веником и неуловимой дымной горечью. Жар обволакивает, проникает в каждую пору, выпаривая из меня не только дорожную пыль, но и всю липкую мерзость последних двух суток.

Я стою посреди этого знойного царства, а бабушка, вооружившись ковшом, командует парадом.

— Снимай с себя это срамотище, — деловито ворчит, кивая на остатки моего свадебного платья. — Негоже в дом божий, то бишь, в баню, в тряпье от дьявола входить. Стас твой дьявол и есть. Безрогий только, и хвост в штанах прячет.

Хихикаю сквозь остатки слёз и начинаю расправляться с атласным монстром. Корсет, ещё утром казавшийся средневековым орудием пыток, сейчас поддается с неожиданной лёгкостью. Крючки отскакивают один за другим, и я делаю первый за три дня по-настоящему глубокий вдох. Мои рёбра, кажется, аплодируют стоя.

Платье оседает на пол бесформенной грудой мягкого шёлка, напоминая дохлую медузу. Перешагнув через этот труп своего прошлого, стягиваю бельё и остаюсь стоять в чём мать родила: голая, грязная, растрёпанная, с проступающими на бёдрах синяками от розовых кустов.

— Вот, — удовлетворённо одобряет баба Маня. — Уже больше на человека похожа. А теперь садись, сейчас я из тебя всю дурь городскую выпаривать буду.

Она плещет водой на раскалённые камни. Баня взрывается шипением, и новая волна обжигающего пара бьёт в лицо. Сажусь на полоч. Жар плавит не только тело, но и мысли. Все эти «а что, если», «как я могла» и «за что мне всё это» стекают с меня вместе с потом, капают на деревянный пол и шипят, испаряясь без следа.

Бабушка орудует веником с профессионализмом заправского банщика.

— Это чтоб дурные мысли из головы выгнать! — комментирует каждый взмах. — А это чтоб мужиков-козлов за версту чуяла! А вот это для ума! Чтоб в следующий раз сначала думала, а потом под венец бежала!

Смеюсь и плачу одновременно. Лучшая психотерапия в моей жизни. Никаких тебе «давайте поговорим о ваших чувствах». Только хардкор, берёзовый веник и температура под сотню.

Но когда горячие листья проходятся по лопаткам, в голову лезет совсем не терапевтическое воспоминание. Юра, его широченная спина, блестящая от пота, усыпанная опилками. Капли влаги, сбегающие вниз, за ремень джинсов. Его ручищи, что держали ревущую бензопилу, а до этого впечатали меня в твёрдую, как камень, грудь. Мои пальцы, вжавшиеся в его плечи, нащупавшие каждый бугорок мышц. Запах смолы, бензина, соли и мускуса, от которого сводит скулы и перестаёшь соображать.

Опасный, пахнущий потом и работой мужчина накладывается на другую, выцветшую картинку. Нескладный долговязый мальчишка с вечно сбитыми коленками. Юрка.

Тогда он пах не бензином, а речкой и парным молоком. На дискотеке в сельском клубе, под завывания группы «Руки Вверх», он целый час не решался подойти. Когда заиграл медляк, пригласил меня так, будто вызывал на дуэль. Его ладони были потными, а руки он держал на моей талии осторожно, словно я могла рассыпаться от одного неловкого движения.

Когда я во время танца уже собиралась ляпнуть какую-нибудь чушь, он наклонился и поцеловал меня.

Воспоминание о моём первом поцелуе навсегда приобрело приторно-сладкий, совершенно отчётливый привкус леденца «Дюшес». Первая мысль, которую услужливо подбросила

моя голова: «Он что, перед этим съел конфету?». Нелепо, по-детски и трогательно до звона в рёбрах. Он, видимо, готовился. Переживал.

Лицо заливают такой жар, что баня отдыхает. Сладкий мальчик с дюшесовым поцелуем и суровый мужик, пахнущий бензином. Как эти двое могут быть одним и тем же человеком?

— Раскраснелась-то как, — бормочет бабушка, возвращая меня в реальность. — Хороший пар. Сейчас всю заразу выгонит. Стаса твоего и всю его породу.

Молчу. «Зараза» по имени Стас выходит из меня с каждой каплей пота, а вот «зараза» по имени Юра, кажется, только глубже проникает под кожу.

Когда экзекуция заканчивается, я едва стою на ногах. Бабушка окатывает меня ледяной водой из шайки. Я вижу от какого-то первобытного, щенячьего восторга. Тело горит, а в груди разливается удивительная лёгкость. Кожа скрипит от чистоты.

Баба Маня протягивает мне огромное махровое полотенце и свой лучший выходной халат, ситцевый, в крупных, наивных розах. Он пахнет нафталином и бабушкиной любовью. Закутываюсь в него, наматываю на голову тюрбан из полотенца и ощущаю себя заново рождённой. Эдакая Клеопатра в ссылке, с сибирским колоритом.

— Ну вот, теперь человек, — одобряет бабуля. — Пойдём, самовар уже, поди, остыл. Накормлю тебя, а то худющая, как велосипед.

Мы сидим на кухне, пьём чай с малиновым вареньем и едим картошку с грибами. Я ем так, будто не видела еды неделю. Бабушка не задаёт вопросов. Просто сидит напротив и смотрит на меня с тёплой грустью.

— А Юрка-то... — начинает она снова, и я замираю с ложкой на полпути ко рту. — Он ведь дом строит у реки. Уже который год...

Молчу. Взрослый, опасный, с голым торсом в опилках, он снова встаёт перед глазами, и сердце делает кульбит.

— А чего он там строит? — спрашиваю как можно равнодушнее.

Баба Маня хитро щурится:

— Да кто ж его знает. Большой дом, двухэтажный с верандой. Упертый он, Юрка. Если уж вбил себе что в голову, пиши пропало. Руки-то золотые, а сердце... — вздыхает и прерывает монолог.

Двухэтажный с верандой. Мысль проскальзывает по краю сознания и ускользает, не дав себя поймать.

После ужина меня накрывает странное беспокойство. Энергия, которую я раньше тратила на выбор оттенка салфеток для банкета, теперь бурлит внутри, требуя выхода. Мой взгляд натывается на ветхую деревянную лестницу в углу сеней, ведущую на чердак.

— Бабуль, давай я на чердаке разберусь? Всё равно делать нечего.

— Ох, и егоза. Там сто лет нога человеческая не ступала. Ну, раз приспичило, иди. Только не убейся там.

Через пять минут я поднимаю крышку люка и оказываюсь в царстве прошлого. Чердак встречает меня запахом пыли и сушёных трав. Отодвигаю стопку старых валенок и натыкаюсь на неё.

Жестяная коробка из-под печенья, перевязанная бечёвкой.

Глава 5

КСЮША

Пульс подскакивает так резко, что в ушах начинает гудеть.

Развязываю узел. Крышка поддается со скрипом. Внутри две стопки писем. Одна, повыше, перевязана суровой ниткой. Вторая, потоньше, перехвачена выпцветшей розовой ленточкой.

Руки сами тянутся к первой пачке. Переворачиваю верхний конверт. Адрес, выведенный знакомым угловатым почерком, бьет наотмашь: «Ксении. Город Москва...». Мой адрес. Обратный: «Деревня Сосновка. Юрию».

Пол уходит из-под ног, а вместе с ним рушится вся моя многолетняя уверенность, построенная на том, что он просто перестал писать и забыл меня.

Пальцы дрожат. Беру вторую пачку. Розовые конверты с цветочками. Мой каллиграфический почерк. Адрес получателя: «Деревня Сосновка. Юрию».

Я тоже писала почти каждый день, а потом ответы перестали приходить, и я решила, что он меня забыл.

— Ксюш, ты там живая? — раздаётся снизу бабушкин голос. Через минуту её голова в платке появляется из люка.

Увидев коробку, она присаживается рядом и ахает.

— Твоя мать привезла, — вдруг говорит она. — Лет восемь назад. Сказала, тетрадки твои старые. Я и засунула сюда, и забыла... Вот же змея подколотная! — выкрикивает, аж побагровев от ярости. — Родному дитю судьбу поломать! Не одному, а двоим сразу!

Дрожащими пальцами разворачиваю его первое письмо.

«Привет, Ксюха! Городская! Как ты там? Я когда тебя вспоминаю, мне кажется, что солнце выходит. Ты только не забывай меня там. Я не забуду. Юрка».

А потом своё.

«Юрочка, привет! В Москве дожди, но без тебя они серые. Я так скучаю. Ты мне снился сегодня. Пожалуйста, напиши. Твоя Ксюша».

Так вот оно что. Он считал меня предательницей, а я считала предателем его. Десять лет лжи.

В одном из его писем я нахожу неумелый карандашный рисунок. Тот самый двухэтажный дом с верандой, а внизу корявым почерком: «Наш дом, Ксю. Будем сидеть на крыльце и смотреть на закат».

Бабушкины слова взрываются в голове бомбой замедленного действия. «Дом строит у реки. Уже который год». Десять лет он возводит стены дома для нас, будучи уверенным, что я его предала.

А я в это время собиралась замуж за Стаса.

Ярость на родителей прошибает первой, раскалённой волной. Следом накатывает такая щемящая нежность к мальчишке, который годами строчил письма в пустоту, что глаза обжигает.

— Вот гады! — не унимается баба Маня, грозя в потолок кулаком. — Я им такое устрою!

Опускаю взгляд на письма, на рисунок дома. Упавшая на меня сосна была мелочью. Настоящая катастрофа лежит сейчас у меня на коленях в старой жестянке из-под печенья.

Внутри закипает и взрывается гремучая смесь из паники, надежды и бешеной решимости, превращаясь в единый, неудержимый импульс, толкающий меня к нему прямо сейчас.

Стоп. На дворе уже ночь. Я в халате в розах и с тюрбаном на голове. Он убеждён, что я десять лет его игнорировала. Если я заявлюсь к нему сейчас, он просто захлопнет дверь перед моим носом. Или вызовет санитаров.

Нет. Нужен план и холодная голова.

Прижимаю письма к груди и делаю глубокий вдох. Утром я всё решу.

Ночь проходит в лихорадочном бреду. Я сплю на бабушкиной пуховой перине, которая пытается меня поглотить, и вижу сны. В них я, облачённая в латы из писем, штурмую дом Юры, размахивая вместо меча его же собственным рисунком. Просыпаюсь от оглушительного крика петуха, который, судя по надрывности, явно метит в солисты Венской оперы и репетирует арию на рассвете.

Вскакиваю с постели с одной мыслью, бьющейся в висках: «Надо идти».

Вчерашняя решимость никуда не делась. Она просто мутировала за ночь в нервное, зудящее нетерпение. Мне нужно увидеть его. Немедленно. Вручить ему эту пачку писем, как верительную грамоту, и посмотреть, что будет. Растает ли ледяная маска на его лице? Или он просто бросит их в печь вместе с моими надеждами?

Мои боевые доспехи на сегодня состоят из бабушкиного сарафана в мелкий цветочек, который мне велик на два размера и превращает меня в ходячую клумбу. На ногах красуются бессменные синие резиновые шлёпанцы, ставшие символом моего падения и одновременно единственной обувью. Волосы, высушенные без фена, торчат во все стороны, образуя то, что в модных журналах назвали бы «небрежной укладкой», а в жизни означает «я упала с сеновала, тормозила головой». Пытаюсь пригладить их водой, но они тут же снова встают дыбом, протестуя против любого намёка на порядок.

— Ты куда намылилась, воительница? — спрашивает бабушка, ставя на стол тарелку с дымящимися оладьями. Она смотрит на меня с таким видом, будто я собираюсь на Куликовскую битву, а не к соседям.

— К Юре, — выпаливаю на одном дыхании. — Надо поговорить.

Бабушка кивает, и в её взгляде читается вековая женская мудрость, смешанная с лёгким ехидством.

— Ну, иди. Только оладьев поешь сначала. На голодный желудок серьезные разговоры не начинают.

Дом Юриных родителей стоит в другом конце деревни. Крепкий, добротный, с синими наличниками. Мнусь у калитки, репетируя в голове речь. Наконец, набравшись смелости, стучу.

Дверь открывает его мама, тётя Валя, почти не изменившаяся за все эти годы: всё такая же круглолицая, добродушная, с лучистыми морщинками у глаз, которые сейчас медленно распахиваются, а лицо вытягивается при виде меня.

— Ксюшенька?.. Ты ли это? Господи... — всплёскивает руками, но радости в её глазах нет. Только растерянность и какая-то застарелая боль.

— Здравствуйте, тётя Валя. А Юра дома?

— Юры нет, — отвечает слишком быстро. — Он на делянке с утра. Или на реке. Или в лесу. Да кто ж его знает, где он. Он у нас теперь вольный ветер.

Она не приглашает меня войти. Просто стоит в проёме двери, отрезая путь. Её поджатые губы, её руки, скрещённые на фартуке, говорят яснее любых слов.

— Ясно, спасибо, — разворачиваюсь и иду прочь. Между лопатками жжёт от её немигающего взгляда.

План «А» провалился с треском. Значит, переходим к плану «Б». Какой у меня план «Б»?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.